

Пролог

Никто не мог предвидеть подобного конца. Даже сам убийца.

Нельзя сказать, что преступление было наспех задумано и неаккуратно исполнено. Большинство злоумышленников стремятся жить дальше, чтобы насладиться плодами собственного коварства. Они сознают, что любой неосторожный шаг способен привести на виселицу, понимают, что ошибка означает провал. В данном случае убийца также в полной мере обладал и желанием получить выгоду, и представлением о зыбкости границы между безопасностью и катастрофой.

Однако ни один созданный человеком план — даже дьявольски изощренный — не в состоянии идеально воплотить в жизнь тщательно продуманную теорию. Где-нибудь по ходу исполнения, в разгар процесса, непременно возникнет непредсказуемая и невероятная, неожиданная и неведомая случайность.

Полная луна светила подобно театральному софиту. Круглый диск двигался по сцене, словно прожектор, переключаясь с крупного плана на общий свет, переходя с резко выхваченного отчетливого образа на глубокую тьму.

Снег стих, однако небо не прояснилось. Тучи по-прежнему угрюмо нависали над белым пространством, не желая расставаться с только что вырвавшейся на свободу пленницей. Время от времени они угрожающе сбивались в кучу и давили на беспомощную, испуганную землю, а потом бессильно раздвигались, пропуская поток ослепительного, безжалостно холодного сияния.

В лунном свете каждая деталь проступала с графической четкостью: черно-белые крыши прилепившейся к склону холма деревни; кривые голые ветви растущих вдоль дороги дубов; поднимающаяся к небу череда гладких белых возвышенностей; массивный дом из серого камня с ажурным узором заснеженного девичьего винограда на стенах.

Из деревни донесся колокольный звон, прозвучавший в темноте траурным отголоском — неувимым, но угрожающим, — и воображение трусливо предсказало наступление мрачного часа.

Но как только луна осветила пейзаж, таинственный страх мгновенно рассеялся. Колокол больше не предвещал беду. Теперь радостная музыка старинной церкви триумфально летела над белым простором.

Пейзаж предстал ожившей рождественской открыткой: в эту минуту даже оленья упряжка на фоне заснеженных холмов вовсе не показалась бы фальшивой. И уж тем более никого не удивила бы фигура в облачении Санта-Клауса, быстро шагавшая по просторной террасе. Что ни говори, а в сочельник чудесные события — особенно в волшебной обстановке — вполне ожидаемы.

Несмотря на поздний час, еще не все обитатели большого дома спали. В одном из окон верхнего этажа по-прежнему горел свет. Время от времени пространство пересекала темная фигура.

Существовали и другие — не столь очевидные — признаки человеческой деятельности. Когда луна скрывалась за облаками, внимательный наблюдатель мог заметить в окнах первого этажа слабое мерцание. Источник света менял положение, будто кто-то украдкой ходил из комнаты в комнату со свечой или слабым электрическим фонариком в руке.

На улице, скрытые снегом и тьмой, притаились безмолвные неподвижные фигуры. Не заметные ни обитателям дома, ни друг другу, они пристально следили за происходящим, дожидаясь возможности вступить в игру.

Царила напряженная, полная дурных предчувствий атмосфера, обещавшая фантазию и тайну, насилие и смерть. Казалось, время медленно, неохотно, с затаенным — и от-

того особенно острым — ужасом двигалось к жестокой развязке.

И вот наконец развязка наступила.

Роковое событие свершилось в тот момент, когда затих колокол, а лунный свет вновь проник сквозь облака и мягко рассеялся по белому покрывалу, обнажив зыбкую линию следов. Холодное сияние равнодушно вырвало из мрака приоткрытое французское окно, влажные отпечатки ног на полированном полу и фигуру Санта-Клауса, лежавшего лицом вниз около обезображенной рождественской елки.

Развязка наступила с женским криком — высоким, отчаянным, полным невыразимого ужаса.

Глава 1

— Уверена, что все обязательно так и будет! — взволнованно воскликнула Дени.

Из недр развернутого к камину глубокого мягкого кресла раздался голос:

— Что именно?

— Старомодное Рождество! — Дени отвела взгляд от свинцового неба и восторженно замерла, заметив первые снежинки, особенно трогательные на фоне темной листвы лавровой аллеи. — Вот он, Роджер! Настоящий, восхитительный, сахарный снег!

В глубоком кресле застонали:

— Кошмар! Мокрая, мерзкая, отвратительная каша. К тому же придется терпеть проказы деревенских мальчишек. Заранее представляю: не успеешь выйти за ворота, как за шиворот полетит холодный комок. Брр!

Дени Арден радостно рассмеялась. Подобный смех разрушал самообладание Роджера Уинтона. Конечно, он ее любил. Любил с тех самых пор, когда однажды ехал на машине по узким извилистым улочкам старинной деревни Шербрум, неосторожно свернул за угол и напугал ее лошадь, немедленно превратившись в объект праведного гнева.

Случилось это в начале прошлого года. В морозный день дороги окаменели, а порывы ледяного ветра нарисовали на щеках Дени Арден розы и причудливо взбудоражили каштановые локоны. Не замечая бури негодования, Роджер любовался стройной фигурой в амазонке с таким искренним и открытым поклонением, что, несмотря на холод, лицо девушки запы-

лало. Чувствуя, что теряет власть над ситуацией, Дени в последний раз сердито тряхнула пышными кудрями и удалилась.

Вернувшись домой, Уинтон немедленно навел справки. Он принадлежал к семейству, чья фамилия, пусть и в различном написании, многократно фигурировала в исторических хрониках Шербрума, однако годы, отданные изучению архитектуры и длительному заграничному турне, ослабили связь с родным краем. Разумеется, нелегко было узнать в волшебном видении одну из нескладных веснушчатых деревенских девчонок.

Загадка разрешилась просто: выяснилось, что Шербрум-Хаус больше не пустует. Массивный серый замок, расположенный поодаль от деревни, однако властно довлевший над заросшими мхом крышами, в детстве казался волшебным. Запущенный сад и медленно приходившие в упадок надворные постройки оживали в воображении, наполняясь храбрыми благородными героями.

Мелвины прибыли в Шербрум, когда первый сэр Хьюго, переплывший Ла-Манш в составе войска Вильгельма Завоевателя, отправился на запад. Шербрум-Хаус стал резиденцией местной власти. Сама королева Елизавета почтила замок пятидневным пребыванием в знак благодарности сэру Реджинальду Мелвину. Монарший визит состоялся вскоре после того, как достойный воин на собственном корабле принял участие в разгроме Армады у скалистых берегов владений грозной девственницы. Милость ее величества пробила невосполнимую брешь в казне сэра Реджинальда, однако принесла ему почетный титул барона.

Для Мелвинов, баронов Шербрум, то были великие дни, но за близость к трону пришлось дорого заплатить. Оставаясь роялистами на территории, подконтрольной парламенту, они тяжело пережили гражданскую войну, вернулись к власти вместе с Карлом II, однако впоследствии, во время нашествия Георга Ганноверского, совершили роковую ошибку, примкнув к якобитам. После поражения при Каллодене и бегства Карла Стюарта во Францию шестой лорд Шербрум лишился не только титула барона, но и головы.

Семейству удалось сохранить замок и часть некогда огромного поместья, но война исчерпала средства и вскоре от былой

роскоши не осталось следа. В конце XIX века прежде щедрое фамильное древо до такой степени оскудело плодами, что все оставшееся имущество перешло в руки дальнего родственника, который по бедности даже не мог позволить себе жить в поместье. Шербрум-Хаус опустел, превратившись в печальную обитель призраков и воспоминаний.

Роджеру Уинтону достались многочисленные слухи и легенды. Жители деревни уважали серый замок, а старики клялись, что настанет время, когда Мелвины вернуться в родовое гнездо и просторная терраса вновь озарится огнями.

Однако годы шли, а обедневшие потомки гордого семейства, некогда принимавшего венценосную особу, все не появлялись. Со временем надежда на их возвращение исчезла, Шербрум-Хаус был продан и перешел в чужие руки.

Роджер Уинтон узнал, что владельцем поместья стал некий Бенедикт Грейм. Покупатель заплатил символическую сумму, поскольку недвижимость находилась в плачевном состоянии, однако вскоре привел замок в порядок. Ремонт потребовал огромных средств и наглядно доказал материальное благополучие нового хозяина.

— Девушка из большого дома, — мягко, но настойчиво уточнил Роджер. — Кто она? Дочь мистера Грейма?

Нет, не дочь Грейма. Во всяком случае, живых родителей у нее не было, а имелся опекун — Джереми Рейнер, один из ближайших друзей Бенедикта Грейма. Рейнер воспитывал и обеспечивал сироту после смерти отца — своего делового партнера.

Проводила ли она в Шербруме много времени? На этот вопрос последовал положительный ответ. Рейнер и Грейм поддерживали тесные отношения, и Грейм души не чаял в Дени. Да, так ее звали: Дени Арден. Она частенько каталась верхом по живописным окрестностям деревни Шербрум.

С четвертой тщательно продуманной попытки Роджер Уинтон случайно встретил Дени Арден и напомнил о знакомстве. Как он и ожидал, ее чувство юмора в полной мере соответствовало ситуации, и с того счастливого дня, как любят говорить французы, дело пошло.

Уинтон стал частым гостем в старинном сером замке, где

в детстве провел немало вдохновенных часов. Он снова сидел в комнатах — теперь уже теплых и уютных, — вслушивался в стук шагов на просторной каменной террасе и постоянно думал о Дени. В разгар лета, когда солнце согревало полированные дубовые панели, и сейчас, глубокой зимой, при мягком свете камина, ее присутствие рождало волшебство.

Роджер нарочито медленно, чтобы не выдать чувств, встал с кресла, повернулся и посмотрел на застывшую на фоне окна стройную фигуру с высоко поднятой головой и нежной шеей, освещенной теплым сиянием живого огня.

— Не смотри на меня так, Дени. Не искушай. Сама знаешь, что я от тебя без ума.

Она улыбнулась:

— Как хорошо ты говоришь, Роджер.

Он подошел ближе, взял за руку:

— Дени, дорогая... ты меня любишь?

Она серьезно кивнула:

— Да, Роджер.

— Тогда скажи, что выйдешь за меня замуж. Скоро!

— Нет, — возразила она твердо. — Джереми...

— Джереми! — крикнул Роджер. — Опять Джереми! Почему он все время стоит между нами? Знаю, как много он для тебя сделал, и все же существуют границы!

В карих глазах Дени отразилось смятение, однако решимость не исчезла.

— Мы уже обсуждали это, Роджер, так что незачем начинать разговор заново. Я должна убедить его.

— Было бы проще, если бы мы больше знали о его мотивах. Почему он так упорно возражает? Я не настолько гадок, чтобы получать отказ за отказом!

— Ты очаровательный гадкий утенок, — промолвила Дени и, нежно взлохматив его густые волосы, провела пальцами по щеке.

Резкие черты мужественного лица напомнили о спокойной надежности Роджера Уинтона.

— Пусть я не сказочно богат, — продолжил он, — заботиться о деньгах тебе не придется. Джереми прекрасно это

знает. Как знает и то, что я люблю тебя. Все должно быть просто!

— Все просто, — подтвердила Дени с искрой лукавства, которую не смогла спрятать, и Роджер криво усмехнулся.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Я уже испробовала все доступные средства. К чему скрывать? Ты ему просто не нравишься.

— Но почему? В чем дело? Если бы Джереми объяснил причину, мы хотя бы поняли его позицию, а так... Слепое предубеждение, не более. Правда заключается в том, что он боится потерять тебя. Дело вовсе не во мне. Точно так же ему не понравится любой другой мужчина, который захочет на тебе жениться.

Роджер положил ладони ей на плечи, и Дени ощутила теплую нервную силу его пальцев.

— А мистер Грейм? Что, если попробовать заручиться его поддержкой? Он тебя любит и в то же время может повлиять на опекуна.

Дени покачала головой:

— Я же сказала, что перепробовала все и сразу обратилась к дяде Бенедикту. Бесполезно. Он сообщил, что, когда заговорил с Джереми о свадьбе, тот взбесился, как бык при виде красной тряпки. Оказалось, что влияние дяди Бенедикта так далеко не распространяется.

Уинтон немного помолчал, а потом мрачно произнес:

— Вот что я скажу, Дени. В мистере Рейнере есть нечто странное. Да-да, — поспешно подтвердил он, заметив инстинктивное движение протеста. — И весь этот дом странный. Чем скорее я отсюда тебя увезу, тем лучше.

Уинтон говорил так убежденно, что вспыхнувшее в душе Дени возмущение мгновенно угагло.

— Ради бога, Роджер! О чем ты?

— О том, что мне не нравится твоя жизнь здесь, с этими непредсказуемыми родственниками, которые на самом деле вовсе не родственники. Может, поэтому я говорю о них так откровенно. Они ненормальные: невозможно предугадать, когда вдруг перестанут вести себя как обычные люди и выкинут нечто невообразимое.

— Ты о прошлогодней выходке дяди Джеральда, когда он явился на выставку цветов в школьных шортах и смутил милых пожилых леди из кружка рукоделия?

— А еще прокатился по улице в детской коляске, с соской во рту и в сопровождении оркестра!

— Но ведь в этих проделках нет ничего плохого, Роджер! Ты и сам знаешь, что дядя Джеральд обожает розыгрыши. Он просто большой ребенок.

— Поверь, я умею ценить хорошие розыгрыши, однако он совсем не годится для роли Питера Пэна.

— Ну вот, теперь ты пускаешь в ход рассуждения о порциях!

— Возможно, я драматизирую, — согласился Уинтон. — И все же компания сомнительная. Джеральд со своими вспышками школьного юмора, запоями и клятвами исправиться. Шарлотта, которая часами не выходит из своей комнаты и вообще ведет себя как озлобленная старая дева с мрачной тайной в рукаве. Удивительно, что мистер Грейм их терпит. Я бы через месяц сошел с ума, а он умудряется смотреть на мир весело.

— Когда ты так говоришь, действительно складывается мрачная картина, но они добры ко мне, и я не могу пойти против их воли.

— Я вовсе не хочу сказать, что эти люди обращаются с тобой плохо, — произнес Уинтон. — И все же в доме сложилась нездоровая атмосфера. Не понимаю, как Рейнер позволяет тебе проводить здесь столько времени.

— Не только позволяет, но и поощряет, — возразила Дени и с лукавой улыбкой добавила: — Вот уж не думала, что у тебя появятся возражения на сей счет!

— Я не возражаю, просто удивляюсь. Почему он решил провести Рождество в Шербрум-Хаусе?

— Мы всегда проводим Рождество с дядей Бенедиктом. Это традиция.

— Да, мистер Грейм любит семейные торжества, и без вас они не обходятся, но ведь в этом году Рейнер собирался в Америку и должен был уехать еще на прошлой неделе. Что же заставило его изменить планы?